

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В ВОСКРЕСЕНЬЕ 31го ОКТЯБРЯ С.Г.

В 7 Ч. ВЕЧ.

СОСТОИТСЯ ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦИЯ

ЧЛЕНА АКАДЕМИИ

Б.В.ФАРМАКОВСКОГО
«О ВАЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ»

вход свободный

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ, АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДЪЕЗД

ПРОШЛОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ТРУДАХ ПЕТЕРБУРГСКИХ АРХЕОЛОГОВ
НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(К 100-летию создания российской
академической археологии)

DOI: 31.600/978-5-85803-525-1
УДК 930.26(081)
ББК Т4я4

*Утверждено к печати Ученым советом Института истории материальной культуры
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор ист. наук Л. Б. Кирчо; доктор ист. наук, профессор А. Н. Киртичников

Ответственные редакторы:

доктор ист. наук Ю. А. Виноградов; доктор ист. наук С. А. Васильев; кандидат ист. наук К. Н. Степанова

П78 **Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии).** — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. — 420 с.: ил.

ISBN 978-5-85803-525-1

Коллективная монография является результатом трудов ведущих ученых Института истории материальной культуры РАН, отражающих основные результаты археологических исследований за прошедшее десятилетие. Она состоит из четырех глав. Серия статей первой из глав посвящена проблемам первоначального заселения территории нашей страны, что связано с новейшими археологическими открытиями на Кавказе, Таманском полуострове, в Крыму, а также в Арктике. Вторая глава охватывает широкий хронологический диапазон — от позднего каменного века до культур древних кочевников (сюнну). Важные проблемы изучения античной культуры Северного Причерноморья раскрыты в третьей главе на материалах раскопок на Таманском полуострове. Одна из статей посвящена участию ученых ИИМК РАН в изучении Пальмиры (Сирийская республика). Статьи, включенные в последнюю главу, характеризуют итоги археологического изучения Северо-Западной Руси, прежде всего двух важнейших городских центров этого региона — Старой Ладоги и Рюрикова городища.

Издание рассчитано на археологов и историков.

The Past of Humankind as seen by the Petersburg Archaeologists at the Dawn of the Millenium (to the Centennial of the Russian Academic Archaeology). — St. Petersburg: St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers, 2019. — 420 p.: ill

The book represents a collection of papers written by the leading scholars of the Institute for the Material Culture History, thus reflecting main achievements in archaeological investigations during the last decade. The volume consists of four parts. The first part includes contributions devoted to the problems of the initial peopling of the territory of our country in the light of recent discoveries at the Caucasus, the Taman Peninsula, Crimea, and the Arctic. The second part embraces a huge time span from the Late Stone Age to the ancient nomadic cultures (Xiongnu). The third part deals with the Classical antiquities of the Northern Black Sea region based on the results of the excavations at the Taman Peninsula. One of the papers is devoted to the activities of the scholars of the Institute in the study of Palmyra (Syria). The last part consists of papers devoted to the archaeological study of the Northwestern Russia, especially the exploration of two important urban centers of the region: Staraya Ladoga and Rurik's Hillfort.

The book is oriented toward archaeologists and historians.

На первой странице обложки:

Афиша лекции Б. В. Фармаковского в РАИМК в 1920 г. (рисунок Г. С. Верейского)

ISBN 978-5-85803-525-1

9 785858 035251

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Отмечая юбилей: к 100-летию российской академической археологии (*В. А. Лапшин*) 5

Глава I. В глубины доистории человечества

I.1. <i>С. А. Кулаков</i> . Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века	9
I.2. <i>Е. В. Белыева, В. П. Любин</i> . Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.)	18
I.3. <i>В. Е. Щелинский</i> . Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья	27
I.4. <i>Н. К. Анисюткин, С. А. Кулаков</i> . Новые данные о раннем палеолите Крыма	56
I.5. <i>Л. Б. Вишняцкий, П. Е. Нехорошев, А. К. Очередной</i> . Новые данные по хронологии среднего палеолита Восточной Европы (по результатам полевых исследований ИИМК РАН 1998–2018 гг.)	69
I.6. <i>С. А. Васильев, А. В. Поляков, П. Б. Амзараков, Ю. В. Рыжов, Т. В. Корнева, Т. В. Сапелко, Г. Ф. Барышников, Н. Д. Бурова, Е. Ю. Гиря, Г. Ю. Ямских</i> . Палеолитический человек в предгорьях Саян: стоянка Ирба 2 близ Курагино (Красноярский край)	83
I.7. <i>В. В. Питулько</i> . Гонка со временем: в поисках начального этапа освоения человеком Сибирской Арктики	103

Глава II. На просторах Евразии

II.1. <i>О. В. Лозовская</i> . Торфяниковая стоянка Замостье 2: некоторые итоги и перспективы исследований	139
II.2. <i>Н. Н. Скакун, В. В. Терехина, Л. Лонго, И. Е. Пантюхина</i> . Современные трасологические исследования в археологии	157
II.3. <i>В. С. Бочкарев</i> . К вопросу о периодизации памятников бронзового века юга Восточной Европы	166
II.4. <i>Е. М. Колпаков, В. Я. Шумкин</i> . Сокровища наскального искусства Российской Арктики	171
II.5. <i>А. В. Поляков, И. П. Лазаретов</i> . Современная хронология эпохи палеометалла Минусинских котловин	188
II.6. <i>С. С. Миняев</i> . Актуальные проблемы изучения сюнну	203

Глава III. Постигая классическое наследие

III.1. <i>В. А. Горончаровский</i> . Семибратнее городище (Лабрис) по данным раскопок Боспорской экспедиции ИИМК РАН в 2001–2009 гг.	211
III.2. <i>С. В. Кашаев</i> . Грунтовый некрополь Артощенко-2 (V–II вв. до н. э.)	230
III.3. <i>Ю. А. Виноградов</i> . Священный участок античного поселения Артощенко-1	254
III.4. <i>Н. Ф. Соловьёва, С. Л. Соловьёв, Е. К. Блохин, Э. Э. Казаков</i> . Пальмира во времени и пространстве	271

Глава IV. Славяне, скандинавы и финны на Северо-Западе России

IV.1. <i>В. А. Лапшин</i> . Изучение Старой Ладogi: итоги и перспективы	289
IV.2. <i>Е. Н. Носов, Н. В. Хвоцинская</i> . Рюриково городище — выдающийся археологический памятник Древней Руси	303
IV.3. <i>И. И. Еремеев</i> . К вопросу об аграрной скандинавской колонизации в Восточной Европе в раннем средневековье	324
IV.4. <i>А. И. Сакса</i> . Выборг — город на перекрестке истории	348

Литература	379
Список сокращений	417

CONTENTS

Celebrating the jubilee: to the Centennial of the Russian academic archaeology (*V. A. Lapshin*) 5

Chapter I. In the deep human prehistory

I.1. <i>S. A. Kulakov</i> . The achievements of the Institute for the Material Culture History in the study of the Paleolithic of Caucasus in the late 20 th — early 21 st centuries	9
I.2. <i>E. V. Belyaeva and V. P. Liubin</i> . New data on the initial human settlement of the Southern Caucasus (Results of the fieldwork of the Armenian-Russian expedition in 2003 to 2018)	18
I.3. <i>V. E. Shchelinsky</i> . The first human settlement of the territory of Russia: the oldest Early Paleolithic sites in the Southern Azov Sea shores	27
I.4. <i>N. K. Anisiutkin and S. A. Kulakov</i> . New data on the Early Paleolithic of Crimea	56
I.5. <i>L. B. Vishnyatsky, P. E. Nekhoroshev, and A. K. Ocherednoy</i> . New data on the chronology of the Middle Paleolithic of Eastern Europe (based on the results of fieldwork of the Institute for the Material Culture History in 1998 to 2018)	69
I.6. <i>S. A. Vasilyev, A. V. Polyakov, P. B. Amzarakov, Y. V. Ryzhov, T. V. Korneva, T. V. Sapelko, G. F. Baryshnikov, N. D. Burova, E. Y. Giryva, and G. Y. Yamskikh</i> . Paleolithic Man in the piedmonts of the Sayan Mountains: the site of Irba 2 near Kuragino (the Krasnoyarsk region)	83
I.7. <i>V. V. Pitulko</i> . In pursuit of the time: searching for the initial human settlement of the Siberian Arctic	103

Chapter II. In the vastness of Eurasia

II.1. <i>O. V. Lozovskaya</i> . The peatland site of Zamostje 2: some results and research perspectives	139
II.2. <i>N. N. Skakun, V. V. Terekhina, L. Longo, and I. E. Pantiukhina</i> . Contemporary use-wear studies in archaeology	157
II.3. <i>V. S. Bochkarev</i> . Considering the periodization of the Bronze Age of the Southern Eastern Europe	166
II.4. <i>E. M. Kolpakov and V. Ya. Shumkin</i> . Treasures of rock art in Russian Arctic	171
II.5. <i>A. V. Polyakov, I. P. Lazaretov</i> . Modern chronology of the Paleometal Ages of the Minusinsk Depressions	188
II.6. <i>S. S. Minyaev</i> . Contemporary problems in the study of Huns (Xiongnu)	203

Chapter III. Investigating Classical antiquities

III.1. <i>V. A. Goroncharovskiy</i> . The Semibratnee Hillfort (Labris) based on the data from the excavations of the Bosphorus expedition of the Institute for the Material Culture History in 2001 to 2009	211
III.2. <i>S. V. Kashae</i> . The graveyard of Artiuschenko 2 (5 th to 2 nd centuries BC)	230
III.3. <i>Y. A. Vinogradov</i> . The sacred place of the antique settlement of Artiuschenko-1	254
III.4. <i>N. F. Solovieva, S. L. Soloviev, E. K. Blokhin, and E. E. Kazakov</i> . Palmira in time and space	271

Chapter IV. Slavs, Scandinavians and Finns in the Northwest Russia

IV.1. <i>V. A. Lapshin</i> . The study of Staraya Ladoga: achievements and perspectives	289
IV.2. <i>E. N. Nosov and N. V. Khvoschinskaya</i> . The Rurik's Hillfort, an outstanding archaeological site of the Ancient Rus'	303
IV.3. <i>I. I. Eremeev</i> . Considering the Scandinavian agricultural colonization in Eastern Europe in the Early Middle Ages	324
IV.4. <i>A. I. Saksa</i> . Vyborg, a city at the crossroads of history	348

References 379

List of abbreviations 417

III.2. ГРУНТОВЫЙ НЕКРОПОЛЬ АРТЮЩЕНКО-2 (V–II вв. до н. э.)*

С. В. Кашаев**

Аннотация. Статья посвящена грунтовому некрополю Артющенко-2, расположенному в южной части Таманского полуострова. По вещевым комплексам некрополь можно датировать концом VI — II в. до н. э. В работе представлен анализ погребального обряда, погребальных сооружений, выделены основные группы сопровождающего инвентаря.

Ключевые слова: Античность, Северное Причерноморье, Таманский полуостров, грунтовый некрополь, погребения, обряд захоронения, погребальный инвентарь, греческая керамика.

Древнее поселение и грунтовый некрополь Артющенко-2 расположены в южной части Таманского полуострова — на обрывистом берегу Черного моря, между мысом Железный Рог и Бугазским озером, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в 4 км к юго-востоку от поселка Артющенко.

Поселение Артющенко-2 было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок Е. Я. Рогова (*Рогов*, 2000. С. 210). В 1998–2014 гг. Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН проводил его раскопки (*Рогов*, 2001. С. 164; *Кашаев*, 2001. С. 131). Некрополь расположен к востоку от поселения, он был обнаружен после значительного обвала берега, который произошел зимой-весной 2002 г. С 2003 г. Таманский отряд приступил к спасательным раскопкам этого активно разрушающегося некрополя (*Кашаев*, 2009. С. 188–267; 2010. С. 88–96).

Местность, где расположен памятник, довольно ровная, она возвышается над уровнем Черного моря на 20–25 м. В рельефе заметны плавные понижения и возвышенности. Остатки поселения расположены на немного возвышающейся гряде, вытянутой по линии юго-запад — северо-восток. Одно из понижений к северо-востоку от поселения является руслом древнего ручья или небольшой речки, являвшейся в древности источником пресной воды. Границы памятника определены по распространению подъемного материала. В плане контур поселения напоминает прямоугольный треугольник, вытянутый длинным катетом вдоль берега моря по линии запад — восток. Размеры катетов соответственно 1000 и 400 м, площадь поселения — около 20 га.

Вся территория памятника — и поселения, и некрополя — ранее подвергалась многолетней распашке. Узкая полоса (шириной 20–50 м) вдоль берегового обрыва покрыта степной растительностью (разнотравьем) и не распахивается. От пахотной части она отделена накатанной грунтовой дорогой, которая с периодичностью в несколько лет сдвигается к северу, по мере наступления обрыва. В некоторых местах можно проследить две-три колес старых дорог, перерезанных обрывом.

Южная часть памятника повреждена береговым обрывом. Высокий берег, на котором расположен памятник, постоянно разрушается в результате мощной абразии. Характер и интенсивность абразии обусловлены геологическими особенностями данной местности. Основным катализатором этого процесса являются слои серо-зеленой глины, залегающие на глубине 5–10 м и расположенные наклонно в сторону моря. Под воздействием грунтовых вод и собственной тяжести значительные участки грунта откалываются от коренного

* Исследование проведено в рамках темы государственного задания ФНИ ГАН по теме государственной работы: № 0184-2018-0007 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

** Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Отдел истории античной культуры. E-mail: kashaevs@mail.ru

берега и медленно сползают по пластам глины в сторону моря. В процессе сползания они постепенно разрушаются и затем размываются морем. Наибольшие разрушения наблюдаются после очень дождливых зим. Ввиду столь интенсивного разрушения поселения и некрополя, раскопки носили спасательный характер.

В 2003–2016 гг. на некрополе была исследована площадь около 4750 кв. м, обнаружено 175 погребений, из которых 12 исследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

В 2009 г. на некрополе Артюшенко-2 впервые были зафиксированы следы грабительских работ. За 2009–2013 гг. на площади некрополя было обнаружено более 60 грабительских шурфов. На поверхности большинства из них находились фрагменты человеческих костей, керамики, железных предметов и другие находки из разрозненных захоронений. Все грабительские шурфы нанесены на план некрополя. Полученная картина позволяет оценить примерные места расположения погребений, степень разрушения некрополя и масштабы нанесенного ущерба.

Проведенные работы и сделанные при этом находки позволили определить хронологию некрополя и составить представление о его размерах. Стало понятно, что северная граница некрополя расположена более чем в 100 м от современного берегового обрыва, а его протяженность с запада на восток составляет не менее 200 м. Таким образом, можно прийти к заключению, что площадь некрополя по самым примерным оценкам была не менее 20 000 кв. м. Учитывая среднюю плотность захоронений, — одно погребение на 25 кв. м — можно высказать предположение, что некрополь содержал не менее 800 погребений. И это не считая той части некрополя, которая разрушена обрывом.

Наиболее ранние из обнаруженных захоронений датируются концом VI в. до н. э. или рубежом VI и V вв. до н. э. Большинство датируемых погребений совершены в промежуток примерно в сто лет, между началом V и началом IV вв. до н. э.; часть комплексов относится к III–II вв. до н. э. Можно считать, что некрополь укладывается в хронологические рамки V–II вв. до н. э. Самое позднее обнаруженное погребение (погребение 156) относится к IV–V вв. н. э., но пока это единственный случай, и нет оснований говорить, что захоронения массово продолжались до этого времени.

Наиболее ранние погребения сконцентрированы в западной и южной частях исследованного участка некрополя. На северных и восточных участках, помимо захоронений V–IV вв. до н. э., фиксируется возрастающее количество могил III–II вв. до н. э. Это позволяет предположить, что топографически некрополь развивался с юго-запада на северо-восток. Таким образом, на южных и западных участках могильника преобладают погребения конца VI — начала IV вв. до н. э., а на северных и восточных участках — могилы периода эллинизма.

Материалы, полученные в ходе раскопок некрополя Артюшенко-2, позволяют сделать некоторые выводы о его особенностях, погребальном обряде, датировке исследованного участка и отдельных погребений. Прежде всего, необходимо отметить специфичность грунта в районе памятника, он определяет как методику раскопок, так в конечном счете и полученные результаты. Это однородный, довольно плотный суглинок, цвет которого варьируется от светло-серого у поверхности до светло-бежевого или желтоватого на глубине 1,5–1,7 м. Погребения вписаны в материковый суглинок. В таком однородном по цвету и консистенции грунте могильные пятна практически не читаются. Зафиксировать их удается очень редко, только в отдельных случаях. Иногда контуры могилы читаются на уровне костяка. Сырцовые кирпичи, использованные в конструкции некоторых погребений, изготавливались на месте из того же самого суглинка. Это создает дополнительные сложности при выявлении и расчистке сырцовых конструкций. Достаточно четко их можно выявить лишь по наличию в тесте кирпичей различных примесей — желто-зеленой глины, толченой ракушки и пр. Практически все погребения повреждены землеройными животными, при этом некоторые повреждены очень сильно — кости сдвинуты, на глиняных сосудах и предметах имеются следы зубов, оставленные грызунами.

Глубина от современной поверхности до дна могил составляет в среднем около 1,0–1,5 м, иногда до 2,0 м. Сохранность скелетов в большинстве могил можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Как уже отмечалось, в ряде случаев удалось зафиксировать погребальные сооружения, выполненные из сырцовых кирпичей.

В большинстве случаев в ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) погребенные ориентированы головой на восток. Иногда наблюдается небольшое отклонение к северу или к югу. Помимо основной восточной ориентации, встречаются погребения, расположенные головой на запад. Сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н. э. Например, для некрополя Тирамбы (*Коровина, 1987*), некрополя Нимфея (*Гайдукевич, 1959*), городища Гармонасса (*Коровина, 2002*), городища Горгиппия (*Алексеева, 1997*).

При ориентации погребенного головой на восток инвентарь расположен у южной стенки могилы — вдоль левой части тела или в ногах погребенного. В поздних захоронениях (III—II вв. до н. э.) костяки могут быть ориентированы головой в южный сектор. В этом случае инвентарь иногда расположен в районе черепа.

Также имеются погребения с северной ориентацией, и, как правило, все они безинвентарные, так что их точная датировка затруднительна. Практически во всех исследованных погребениях захоронение совершено по обряду труположения; встречен лишь один случай кремации, предположительно, на стороне.

В могилах обнаружен различный погребальный инвентарь — керамические и стеклянные сосуды, предметы из различных металлов (железа, бронзы, серебра, золота). Состояние керамических изделий довольно хорошее, часто они сохранились совершенно целыми, иногда раздавлены грунтом на несколько крупных фрагментов и легко поддаются реставрации. Сохранность железных предметов, как правило, плохая, они требуют специальной консервации и закрепления сразу после обнаружения. В отличие от них находки из бронзы сохранились, как правило, хорошо, особенно если они имеют достаточно большую толщину. После реставрации и удаления зеленого окисла эти предметы приобретают свой первоначальный цвет. Серебряные изделия в нескольких случаях сохранились неплохо. Может быть, это зависит от качества серебра и локальных условий, в которых находился данный предмет.

Редкими, необычными находками являются скелеты небольших змей, положенных в виде буквы «S», которые зафиксированы в нескольких погребениях (№ 6, 17, 24, 25). Во всех случаях у скелетов не обнаружен череп, что затрудняет определение вида пресмыкающихся. Интересно, что скелеты змей встречены либо в индивидуальных женских захоронениях, либо в парных, где имеется костяк и женщины, и мужчины.

В некрополе удалось зафиксировать следующие конструкции погребальных сооружений:

— *Простые грунтовые ямы*. В таких могилах отсутствовало перекрытие и, следовательно, не было свободного пространства над телом усопшего.

В погребениях этого типа наблюдаются две особенности: не сдвинутые со своих мест кости и слегка «подогнутое», прижатое к телу положение черепа. Зафиксированные факты свидетельствуют о том, что могильные ямы были относительно небольшого размера, и тела покойных по длине немного не помещались в них.

— *Грунтовые ямы с перекрытием*. Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Ввиду сложности и однородности грунта зафиксировать наличие заплечиков пока не удалось, но по косвенным признакам выделить такой тип сооружений все же возможно. Перекрытие, скорее всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Только изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена. В могилах такой конструкции имелось небольшое свободное пространство над телом, это приводило к тому, что после разложения мягких тканей кости скелета часто были сдвинуты. Такое явление могло быть следствием разных причин — деятельности грызунов и землеройных животных, процессов разложения, обрушения свода, проседания и подвижки грунта.

— *Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием*. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

— *Сырцовые склепы (или ящики)*. Такие склепы являются наиболее сложными и интересными погребальными сооружениями. Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Оно могло быть двух видов. Первый вид — сырцовые стены перекрывали горизонтальным настилом из досок, которые должны были поддерживать выложенную поверх них сырцовую крышу склепа. Второй вид — это полуциркулярный свод склепа сложенный из кирпичей. Не исключено, что и в этом случае могли присутствовать подпорные деревянные конструкции. В редких случаях удавалось зафиксировать наличие в заполнении склепов фрагментов древесного тлена.

Конструкции стен склепов также имеют несколько вариантов исполнения. В первом случае кирпичи вдоль длинных стен клали плашмя, а вдоль коротких стен ставили на ребро (погребения № 25, 27, 28, 34). Во втором кирпичи вдоль всех стен ставили на ребро (погребения № 24, 44), в третьем кирпичи вдоль всех стен клали плашмя (погребения № 7, 32, 40, 45, 47).

Пол склепа мог быть полностью земляным, тогда все необходимые канавки и углубления выкапывали в грунте. Иногда пол частично выкладывали сырцовыми кирпичами.

Скорее всего, вариант конструкции склепа не связан с какими-либо обрядовыми тонкостями, а зависит исключительно от количества имевшихся строительных материалов (кирпичей), т. е. финансовых возможностей заказчика. При этом можно предположить, что после завершения строительства и всех отделочных работ склепы, сложенные в разной технике, внешне выглядели практически одинаково.

Одна из функций склепа заключается в использовании его в качестве семейной усыпальницы, предполагающей возможность последующего подзахоронения родственников. Это было зафиксировано в нескольких случаях (погребения № 21, 25, 32), причем в стене одного склепа с восточной стороны зафиксирован проем (погребение № 32), который мог быть входом.

Материалы, полученные при раскопках, позволяют выделить основные группы погребального инвентаря. Такими группами являются: *сосуды для вина* (амфоры, ойнохои, кувшины), *сосуды для пищи* (миски, чаши на ножке, одноручники), *сосуды для питья* (чернолаковые килики, скифосы, канфары), *расписные сосуды, левные сосуды, предметы вооружения, бронзовые предметы, украшения*. Кратко рассмотрим каждую из групп и приведем некоторые примеры.

Почти всегда среди инвентаря находился *сосуд для вина*; чаще всего это ойнохои, в редких случаях — кувшин, иногда амфора. Наравне с *сосудами для пищи* *сосуды для вина* являются основным элементом погребального инвентаря. Почти в каждом погребении, где обнаружен инвентарь, присутствует сочетание миски и ойнохои, в крайнем случае хотя бы одного из этих сосудов.

Амфоры как часть погребального инвентаря (рис. 1) занимали в могилах определенное место — в ногах погребенных. Они были обнаружены в погребениях с самым богатым и разнообразным инвентарем, т. е. в могилах наиболее состоятельных поселенцев. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что все захоронения с амфорами были совершены в сырцовых склепах или могилах со сложными погребальными сооружениями, что также требовало больших финансовых затрат по сравнению с сооружением простой грунтовой могилы.

Погребения с амфорами содержали и другой погребальный инвентарь — разнообразные чернолаковые и красноглиняные сосуды, железное оружие, орудия труда, предметы быта и украшения. В процессе дальнейшей работы с материалом подробный анализ взаимовстречаемости амфор с другими предметами инвентаря поможет на основании хорошо разработанных датировок тарных амфор уточнить время бытования других предметов.

Всего в погребениях некрополя найдено десять тарных амфор, девять из них обнаружены в погребениях № 3, 24, 32, 40, 45, 47, 64, Г5, Г8; десятая амфора была изъята полицией у грабителей. Судя по материалам доследованных за грабителями погребений (Г1–Г12), похищенных амфор было значительно больше. Большинство погребений с амфорами в некрополе Артюшенко-2 датируются первой половиной V в. до н. э., лишь одно относится к концу этого столетия.

В семи погребениях некрополя № 3, 32, 40, 45, 47, Г5, Г8 были найдены амфоры на сложно профилированной ножке, или так называемые «протофасосские» (рис. 1: 1–7). Еще одна амфора аналогичного типа происходит из грабительских раскопок некрополя. Большинство этих амфор можно отнести к третьей и четвертой сериям по С. Ю. Монахову, они датируются в пределах первой трети — первой половины V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 40–41). Отдельные сосуды могут относиться и к третьей серии рубежа VI и V вв. до н. э.

В погребении 24 найдена хиосская коническая амфора с прямым горлом и протоколпачковой ножкой (рис. 1: 9), относящаяся к типу V-A по С. Ю. Монахову. Она датируется примерно концом V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 20).

В погребении 64 находилась амфора, выполненная из коричневой глины с большим содержанием слюды (рис. 1: 8). Глина очень хрупкая и ломкая, сосуд раздален грунтом на множество фрагментов, частично его удалось реставрировать. Эта амфора предположительно относится к сосудам с усеченно-конусовидным (стаканообразным) дном. В качестве аналогии ей можно привести амфоры эолийских центров — тип 2.31 по А. П. Абрамову; они датируются второй половиной VI — началом V в. до н. э. (Абрамов, 1993. С. 29, 81, рис. 13).

Можно предположить, что на данном некрополе традиция ставить в погребения амфоры характерна в основном для V в. до н. э. В погребениях, относящихся к другому времени, амфоры пока не встречены. Имеется лишь несколько комплексов с погребениями младенцев в амфорах.

Детских погребений в амфорах открыто 12 (№ 53, 72, 97, 99, 100, 105, 111, 114, 118, 120 139, Г7). В восьми погребениях (№ 53, 97, 99, 100, 114, 120 139, Г7) захоронение совершено в почти целых сосудах или крупных по размеру фрагментах тулова (рис. 2). В четырех могилах (№ 72, 105, 111, 118) были использованы крупные стенки амфор без профильных частей.

В погребении 53 находилось тулово хиосской пухлогорлой амфоры без горла и венчика (рис. 2: 8). Скорее всего, эта амфора принадлежит к развитому варианту III-B по С. М. Монахову и датируется второй четвертью V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 17; табл. 5).

В погребении 72 захороненный младенец был уложен между двух крупных фрагментов амфор. Судя по виду и составу глиняного теста, стенки принадлежат разным амфорам, профильных частей нет.

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Амфоры из погребений:

1 — погребение 3; 2 — погребение 32; 3 — погребение 40; 4 — погребение 45; 5 — погребение 47; 6 — погребение Г8; 7 — из грабительских раскопок; 8 — погребение 64; 9 — погребение 24

Рис. 2. Некрополь Артоценко-2. Детские погребения в амфорах:

1 — погребение 114; 2 — погребение 139; 3 — погребение 100; 4 — погребение 99; 5 — погребение 97; 6 — погребение 120; 7 — погребение Г7; 8 — погребение 53

Одна из стенок предположительно принадлежит пепаретской пифонидной амфоре, похожая найдена в погребении Г7; она датируется первой половиной IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 99, табл. 70: 3).

Погребение 97 было совершено в тулове хиосской конической амфоры с колпачковой ножкой (рис. 2: 5). Горло с ручками и ножка этой амфоры были отбиты в древности. Предположительно это сосуд варианта V-B (Монахов, 2003. С. 21, табл. 11). Из-за отсутствия профильных частей датировать ее можно довольно широко, в пределах IV в. до н. э.

Погребение 99 содержало раздавленное грунтом на фрагменты тулово амфоры (рис. 2: 4). Нижняя часть с ножкой отсутствует, от горла сохранился только низ. Ручки не сохранились, но по профилям нижних прилепов понятно, что они были двустольные. Амфора предположительно косского производства (Абрамов, 1993. С. 44, рис. 47), датируется III–II вв. до н. э. Внутри нее были обнаружены отдельные фрагменты костей младенца и погребальный инвентарь: бронзовые браслет и серьги, а также набор различных бусин. По инвентарю можно предположить, что захоронена была девочка.

В погребении 100 сохранилась почти целая амфора — большая часть тулова, горло, ручки и венчик (рис. 2: 3). Отсутствует только ножка, клейм на ручках нет. Скорее всего, амфора аналогична родосским амфорам с высоким горлом поздней серии I-E-2 (Монахов, 2003. С. 118; табл. 82, 83). Датируется она в пределах первой половины II в. до н. э.

Погребение 105 было совершено между крупными обломками стенок амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской колпачковой амфоры. Амфору можно датировать в пределах IV в. до н. э.

Погребение 111 также совершено в крупных стенках амфоры. Профильные части отсутствуют, предположительно это стенки хиосской пухлогорлой амфоры. Датировать ее можно серединой — второй половиной V в. до н. э.

Погребение 114 парное. Скелет женщины 30–40 лет лежал вытянуто на спине, головой на восток, с небольшим отклонением к северу. В ногах костяка, в юго-западном углу могилы, находилось фрагментированное тулово амфоры с захоронением младенца. Профильные части у амфоры отсутствуют, ножка, ручки и венчик сколоты (рис. 2: 1). Возможно, этот сосуд близок маленькой фракции родосских амфор с высоким горлом поздней серии I-E-2 (Монахов, 2003. С. 118; табл. 82, 83). Датировать ее можно в пределах первой половины II в. до н. э.

Погребение 118 было совершено в крупных стенках амфоры, у которых отсутствуют профильные части. Предположительно это стенки амфоры косского производства (Абрамов, 1993. С. 44; рис. 47). Такую находку можно датировать широко, второй половиной III — началом II в. до н. э.

Из погребения 120 происходит амфора очень необычной формы (рис. 2: 6). От нее сохранилась большая часть тулова с горлом и одной ручкой, нижняя часть с ножкой утрачена. На плечиках процарапано граффито в аббревиатуре «ΛΟΝ» или «ΑΘΝ». По поводу граффито Н. А. Павличенко считает, что «Λ» с выписанным в нее «Ο» на амфоре из погребения 120, вероятно, является обозначением цены в оболлах в алфавитной системе — 30 оболлов» (Кашаев, Павличенко, 2013. С. 137–138).

В качестве аналогии амфоре из погребения 120 можно привести амфору из Калос Лимена (Ужнецов, 2001. С. 161, рис. 4: 2). Автор раскопок относит эту амфору к сосудам редкого типа восточно-средиземноморского (косского?) производства и датирует примерно рубежом первой и второй четвертей I в. до н. э. Амфора из Артошенко по сравнению с крымской имеет более пологие плечики и слабо выраженные «ребра» на тулове. Возможно, она является более ранним типом сосудов этой серии и может датироваться концом II — началом I в. до н. э. или первой четвертью I в. до н. э. Румынский исследователь А. Опайт (Dr. Andrei Opaît) относит амфору из погребения 120 к I в. н. э., по его мнению, она имеет эгейское происхождение (Кашаев, Павличенко, 2013. С. 135).

В погребении 139 находилось раздавленное грунтом на множество фрагментов тулово синопской амфоры (рис. 2: 2). Венчик с частью горла и ручки сколоты в древности, ножка отсутствует. Предположительно амфору можно отнести к позднему варианту III-D, датированному второй половиной II в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 154, табл. 105).

Погребение Г7 уничтожено грабительским шурфом в 2009 г. В его заполнении обнаружено тулово крупной амфоры, происходящей предположительно из погребения младенца. У амфоры отсутствует горло с ручками и ножка (рис. 2: 7). Фрагменты похожей амфоры были обнаружены в погребении 72. По форме тулова амфора ближе всего к пепаретским пифонидным амфорам жуrowsкого типа, датированных С. Ю. Монаховым первой половиной IV в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 99, табл. 70: 3).

Можно отметить, что к раннему периоду (V–IV вв. до н. э.) относится половина амфор, вторая половина сосудов приходится на поздний период (III–I вв. до н. э.). География поступления амфор

в Артошенко-2 не очень обширна, для V–IV вв. до н. э. — это амфоры хиосского и пепаретского производства, для III–I вв. до н. э. — косские, родосские и синопские.

В целом складывается впечатление, что на исследованном участке некрополя детских погребений в амфорах обнаружено относительно немного. Возможно, они сконцентрированы на пока еще не открытом специальном «детском» участке, как это зафиксировано на некрополе у поселения Виноградный-7 (Сударев, 2016. С. 336).

Амфоры были обнаружены также в тризнах и ямах (рис. 3). Часть из них — это амфоры на сложно профилированной ножке, т. е. «протофасосские». Относятся они к третьей и четвертой сериям по С. Ю. Монахову и датируются в пределах первой трети — первой половины V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 40–41).

Большинство же амфор из тризы — это различные варианты хиосских пухлогорлых амфор. Эти амфоры из Тризы 11, 12, 13, 15, 17 (рис. 3: 6–9) принадлежат к варианту III-A по классификации С. Ю. Монахова, а также развитому варианту III-B и датируются первой и второй четвертью V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 17). Самыми поздними из этой серии являются амфоры из Тризы 8 и 10, варианта III-C (рис. 3: 2, 10, 11), которые относятся ко второй половине V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 18).

Некоторые типы амфор встречены в единственном экземпляре. Например, амфора с усеченно-конусовидным (стаканообразным) дном из Тризы 14 (рис. 3: 1), аналогичная обнаруженной в погребении 64. Это тип 2.31 по А. П. Абрамову, который датируется второй половиной VI — началом V в. до н. э. (Абрамов, 1993. С. 29, 81, рис. 13).

Хиосская прямогорлая амфора (рис. 3: 3) из Тризы 12, вариант IV-A, датируется второй половиной V в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 19).

Коричневоглиняная колхидская амфора (рис. 3: 4) из Тризы 18 может датироваться примерно второй половиной II в. до н. э. (Монахов, 1999. С. 564).

Из ямы 2 происходит родосская (?) амфора без ножки (рис. 3: 5). Предположительно она относится к варианту I-B и датируется первой половиной III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 115).

Синопская амфора из Тризы 21 относится к варианту II-E и датируется началом — первой половиной III в. до н. э. (Монахов, 2003. С. 151).

На ручке имеется клеймо — канфар и надпись. Клеймо отгиснуто слабо, надпись читается плохо, восстановление сделано Н. А. Павличенко:

[ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΥ

[ΕΣΤ]ΙΑΙΟΥ

ΛΓΧΙΑ[ΛΟΥ] канфар ↑

Как уже отмечалось, самым распространенным «сосудом для вина» были *ойнохои* (рис. 4). Опыт наблюдения показывает, что ойнохои более крупного размера, как правило, ставили взрослым мужчинам, а женщинам и детям — сосуды более мелкого размера.

Большинство ойнохой — красноглиняные или сероглиняные — представлены единичными экземплярами. Часть ойнохой может быть импортного происхождения. Они отличаются высоким качеством исполнения, хорошо отмученной мелкозернистой глиной, хорошим характером примесей и обжигом.

В то же время среди ойнохой выделяется группа предположительно местного производства. Изготовлены они из коричневой, очень хрупкой, ломкой, слоющейся глины. В большинстве случаев такие сосуды находят раздавленными грунтом на множество мелких фрагментов. Реставрировать их крайне сложно. Столь низкое качество этих ойнохой наводит на мысль, что они не могли использоваться в быту. Возможно, это была «одноразовая» посуда, которую изготавливали в ритуальных целях, т. е. специально для помещения в могилу в качестве погребального инвентаря.

Многие ойнохои были орнаментированы по тулову кольцевыми полосками красной, коричневой и белой краски, по плечикам — волнистой линией. В зависимости от качества глины, обжига и краски эта орнаментация сохранилась в некоторых случаях очень хорошо, в некоторых почти стерлась.

В погребениях V–IV вв. до н. э. ойнохои и кувшины, как правило, располагались в ногах или сбоку от погребенного на уровне ног (Кацаев, 2010. С. 90, рис. 1; С. 93, рис. 4). Только в нескольких погребениях более позднего времени III–II вв. до н. э. ойнохои и кувшины располагались в районе головы.

При анализе ойнохой по морфологическим признакам можно выделить два основных типа сосудов.

Первый тип — широкогорлые ойнохои. Диаметр горла (не венчика, а именно горла) больше половины максимального диаметра тулова, т. е. больше радиуса тулова. При этом форма тулова часто близка к шаровидной, а диаметр кольцевого поддона меньше диаметра горла. Тип распадается на два варианта:

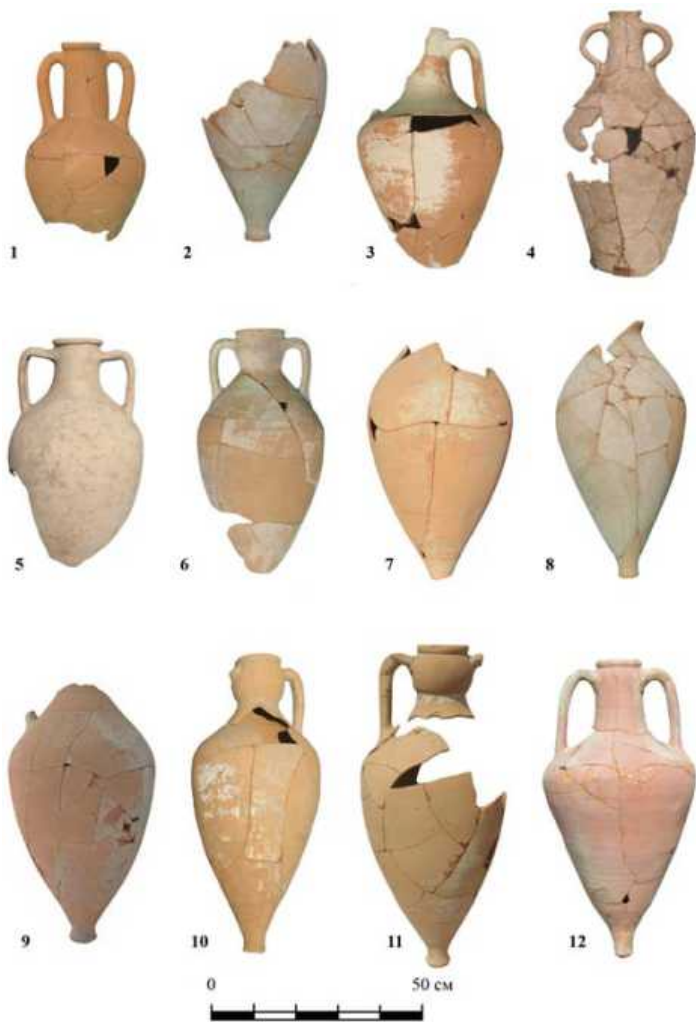

Рис. 3. Некрополь Артощенко-2. Амфоры из тризн и ям:

1 — тризна 14; 2 — тризна 12-1; 3 — тризна 12-2; 4 — тризна 18; 5 — яма 2; 6 — тризна 13; 7 — тризна 15; 8 — тризна 11; 9 — тризна 17; 10 — тризна 8; 11 — тризна 10; 12 — тризна 21

Рис. 4. Некрополь Артющенко-2. Ойнохои:

1 — погребение Г10; 2 — погребение 67; 3 — погребение 52; 4 — погребение 78; 5 — погребение 103; 6 — погребение 81;
7 — погребение 82; 8 — погребение 86; 9 — погребение 112

— С коротким горлом. Слабо выраженное горло практически не имеет вертикальных стенок, плечики через резкий перегиб сразу переходят в венчик (рис. 4: 1, 6).

Близкие по форме сосуды представлены в материалах некрополей у хутора Рассвет (*Крушкол, Новицхин*, 2010. С. 158, рис. 124: 1); Ольвии (*Скудонова*, 1988. С. 43, кат. 27; С. 124, кат. 191); Пичварна (*Vickers, Kakhidze*, 2004. P. 341, fig. 120); Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 105, 106, 112–114, 154).

— С высоким горлом. Горло хорошо выражено, имеется переход от плечиков к вертикальным стенкам, вертикальные стенки переходят в венчик (рис. 4: 4, 5).

Аналогичные по форме сосуды представлены в материалах некрополей у хутора Рассвет (*Крушкол, Новицхин*, 2010. С. 50, рис. 44: 3; С. 138, рис. 151: 2), Тирамбы (*Коровина*, 1987. С. 10, рис. 7) и Ольвии (*Скудонова*, 1988. С. 145, кат. 227); городища Горгиппия (*Алексеева*, 1997. С. 288, табл. 8: 15, 17); Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 117, 118, 153, 155).

Второй тип — узкогорлые ойнохои. Диаметр горла равен или меньше половины максимального диаметра тулова, т. е. радиуса тулова. При этом форма тулова овальная, а диаметр кольцевого поддона больше диаметра горла. Тип так же распадается на два варианта, что и первый:

— С коротким горлом. Слабовыраженное горло практически не имеет вертикальных стенок, плечики через перегиб переходят в венчик (рис. 4: 7). Близкие по форме сосуды представлены в материалах Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 101, 121).

— С высоким горлом. Горло хорошо выражено, имеется переход от плечиков к вертикальным стенкам, вертикальные стенки переходят в венчик (рис. 4: 2, 3, 8, 9). Аналогичные по форме сосуды представлены в материалах некрополей у хутора Рассвет (*Крушкол, Новицхин*, 2010. С. 84, рис. 84: 2; С. 95, рис. 98: 3; 103: 2; С. 116, рис. 122: 2); Гермонассы (*Гайдукевич*, 1959. С. 163, рис. 8: 2); Нимфея (*Гайдукевич*, 1959. С. 180, рис. 44: 2; Грач, 1999. С. 203, табл. 29: 4); городища Горгиппия (*Алексеева*, 1997. С. 290, табл. 10: 11); Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 125).

Большинство ойнохой из некрополя четко ложатся на предложенную схему, хотя некоторые экземпляры могут быть отнесены и к переходным типам. Ойнохои представленных типов и вариантов происходят из погребений, датировемых первой половиной V в. до н. э. Во второй половине V в. до н. э. явное изменения формы сосудов не наблюдается, предложенная схема остается прежней. Можно лишь сказать, что широкогорлых ойнохой постепенно становится больше, а узкогорлых больше. На протяжении всего V в. до н. э. такие формы сосудов имели распространение как на Таманском полуострове, так и на территории Боспора в целом.

Занимаясь анализом форм ойнохой, можно заметить, что некоторые керамические образцы близки по форме бронзовым сосудам. Не исключено, что бронзовые сосуды могли быть взяты древними гончарами за образец формы для керамических ойнохой. Например, описанные выше широкогорлые ойнохои имеют сходство с бронзовым сосудом из Малой Азии (*Болтрик и др.*, 2009. С. 44, рис. 6: 3), а узкогорлые — с ойнохоями их Нимфея (*Билимович*, 1973. № 3) и Тарента (*Болтрик и др.*, 2009. С. 43, рис. 5: 3), датированными V–IV вв. до н. э. При этом керамические ойнохои по сравнению с бронзовыми образцами имеют более простую профилировку деталей, доступную для изготовления в глине, и не имеют изящных украшений и декора ручек.

Как и «сосуды для вина», почти в каждом погребении присутствуют «сосуды для пищи», которые представлены *мисками*. Они разных форм и размеров, различаются по способу исполнения. Миски наравне с «сосудами для вина» — ойнохоями, кувшинами и амфорами — являются основным элементом погребального инвентаря. Они присутствуют в подавляющем большинстве погребений, где обнаружен инвентарь. Иногда миска и ойнохоия были выполнены из одинаковой глины и имели схожую ориентацию. Складывается впечатление, что это могли быть своеобразные «наборы» или «пары». Чаще всего такие наборы можно обнаружить в погребениях детей или подростков.

Красноглиняные (крайне редко сероглиняные) миски, выполненные на гончарном круге, являются, как уже отмечалось, одним из самых распространенных элементов погребального инвентаря (рис. 5). В том случае, когда среди инвентаря миска отсутствует, можно предположить, что она могла быть изготовлена из дерева и не сохранилась до наших дней.

Часть мисок может быть местного боспорского производства, но имеются образцы, которые допустимо считать привозными. Они отличаются хорошим качеством исполнения, составом глиняного теста и орнаментацией. В то же время среди мисок выделяется группа предполагаемого местного производства. Изготовлены они из коричневой, очень хрупкой, ломкой, слоистой глины. В большинстве случаев такие миски находят раздавленными грунтом на множество мелких фрагментов. Возможно, как и ойнохои, их изготавливали только в ритуальных целях, специально для помещения в могилу.

Рис. 5. Некрополь Артущенко-2. Миски:

1 — погребение 82; 2 — погребение 34; 3 — погребение 102; 4 — погребение 52; 5 — погребение 64; 6 — погребение 67; 7 — погребение 70; 8 — погребение 69

На внутренней поверхности и по краю практически всех мисок присутствует орнаментация в виде кольцевых полосок. Выполнена она красной, коричневой или белой краской, иногда и двумя красками.

В погребениях миски, как правило, располагались в ногах или сбоку от погребенного на уровне ног и никогда не были зафиксированы под головой или в районе головы (*Кацаев*, 2010. С. 90, рис. 1; С. 93, рис. 4). Такое расположение мисок может свидетельствовать о том, что их присутствие связано именно с ритуальной, загробной пищей (*Мальшев*, 2007. С. 149).

Типологически можно выделить четыре основных варианта мисок:

- Миски с рельефным, «клововидным» краем (рис. 5: 1, 2).
- Миски с округлым, слегка загнутым внутрь краем (рис. 5: 3, 4).
- Миски со слегка отогнутым наружу краем и одной петлевидной ручкой (рис. 5: 5, 6).
- Миски с горизонтальным, сильно отогнутым наружу краем (рис. 5: 7, 8).

Сосуды всех перечисленных вариантов и разновидностей независимо от формы закраины в подавляющем большинстве выполнены на кольцевом поддоне. Лишь небольшая часть мисок — на плоском дне.

Миски представленных разновидностей происходят из погребений, датируемых началом V — началом IV в. до н. э. Можно предположить, что в указанный период именно такие формы имели наибольшее распространение как на Таманском полуострове, так и на территории Боспора в целом.

Аналогии этим мискам можно найти в материалах из раскопок различных памятников Боспора. Например, некрополя Тирамбы (*Коровина*, 1987. С. 10, рис. 7; С. 12, рис. 9), некрополя Нимфея (*Гайдучевич*, 1959. С. 181, рис. 45), городища Гармонасса (*Коровина*, 2002. Табл. 15: 2; 16: 4), городища Горпиция (*Алексеева*, 1997. С. 288, табл. 8).

Чернолаковые сосуды, как правило, встречаются в погребениях с самым «богатым» и разнообразным инвентарем (рис. 6).

Все обнаруженные чернолаковые сосуды можно разделить на несколько основных групп: «солонки», «чаши для питья» — килики, скифосы, кружки, «сосуды для пищи» — чаши на ножке, миски одноручники, «туалетные сосуды» — лекифы, амфориски.

Чернолаковые солонки (рис. 6: 1) встречены нескольких типов, в качестве примера можно привести солонку из погребения 32 (ср.: *Sparkes, Talcott*, 1970. № 826, 828).

«Чаши для питья» вместе с «сосудами для вина» и «сосудами для пищи» являются частым элементом погребального инвентаря, присутствующим во многих погребениях. К этой группе относятся килики, скифосы, канфары (рис. 6: 2, 3), представленные многочисленными сосудами разных типов и разной формы, на высоких ножках или на кольцевых поддонах, аналогии которым можно найти в материалах Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 436, 437, 438, 577, 578). Иногда встречаются сосуды редких типов (рис. 6: 4), например кружечка из погребения 38 (ср.: *Sparkes, Talcott*, 1970. № 202).

Также среди чернолаковых сосудов имеются «сосуды для пищи», представленные двумя типами. Первый — чаши на ножке, они преобладали в первой половине V в. до н. э., в качестве аналогий им можно привести материалы Афинской Агоры (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 959, 960). Второй — миски с одной ручкой (одноручники), использовались во второй половине V в. до н. э. (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 749, 450, 751).

Еще одной группой находок из некрополя можно считать *греческие расписные сосуды* (рис. 7). К ним относятся, например, два миниатюрных скифоса (котилы), два чернофигурных килика и одна кальпида (пиксида). Расписные сосуды из некрополя Артюченко-2 хронологически относятся к первой — третьей четвертям V в. до н. э.

На котилах (рис. 7: 1, 2) по белому фону выполнена роспись черным лаком в виде пальметок. Похожие сосуды относят к кругу мастера Хаймона (*Сидорова*, 1987. С. 113). В качестве аналогии можно привести сосуды из разных памятников Причерноморья (*Горбунова*, 1983. С. 47, № 30; *Коровина*, 2002. Табл. 7, № 1; *Сидорова*, 1987. С. 121, рис. 10; *Скюднова*, 1988. С. 133, кат. 209).

Белофонная кальпида (рис. 7: 3) украшена по тулову горизонтальными кольцевыми полосками. На плечиках с одной стороны изображены три розетки, состоящие из пятна лака, окруженного точками, на другой — фигура бегущего зайца и две розетки. Наиболее близкой этому сосуду является кальпида из некрополя Нимфея, предположительно родосского производства (*Древний город Нимфей*, 1999. № 34). Она близка по форме и росписи — на плечиках изображено по две розетки. Возможно, и наш сосуд имеет родосское происхождение.

На обеих сторонах чернофигурного килика (рис. 7: 4) одинаковый сюжет росписи — в центре изображена фигура танцующего человека с поднятыми руками, предположительно менада. С двух сторон

Рис. 6. Некрополь Артющенко-2. Чернολаковые сосуды:

1 — погребение 32; 2 — погребение 38; 3 — погребение 40; 4 — погребение 55; 5 — погребение 83; 6 — погребение 43

от фигуры расположены крупные пальметки. По стилю росписи килик очень близок сосудам, производство которых связывают с мастером Хаймоном (*Горбунова*, 1983. С. 181, № 154, *Коровина*, 2002. С. 39, рис. 12, табл. 9: 9).

Килик с изображением Диониса (рис. 7: 5) является самым ранним из всех расписных находок, он датируется 490–480 гг. до н. э. (*Moore, Philippides*, 1986. № 1564; *CVA Danmark*, 1928. Pl. 119: 5; *CVA France 40*, 2005. Pl. 12: 4–6).

В целом набор расписной керамики довольно стандартный для данного периода. Подобные находки встречаются на разных памятниках Северного Причерноморья. Наиболее часто можно встретить аналогии килику с менадой и двум миниатюрным скифосам, более редкой находкой является пиксида с изображением зайца.

Рис. 7. Некрополь Артюшенко-2. Расписные сосуды:
 1 — погребение 47; 2 — погребение 6; 3 — погребение 39; 4 — погребение 6; 5 — погребение 70

Рис. 8. Некрополь Артощенко-2. Туалетные сосуды:

1 — погребение 27; 2 — погребение 136; 3 — погребение 52; 4 — погребение 117; 5 — слой, кв. 3-15;
6 — погребение 127; 7 — погребение 83; 8 — погребение 93; 9 — погребение 103

В группу «туалетных сосудов» входят различные сосуды для масел и благовоний — разнообразные лекифы, аски, амфориски, миниатюрные ойнохои и др. (рис. 8). Частично эта группа пересекается с группой «расписных сосудов».

Чернолаковый амфориско со штампованным орнаментом найден только один — в погребении 27 (рис. 8: 1). Аналогичный сосуд, к примеру, происходит из Нимфея (*Древний город Нимфей*, 1999. С. 49, кат. 95).

Кольцевые асков найдено два, в погребениях 52 и 136 (рис. 8: 2, 3). Датируются они концом IV — началом V в. до н. э. (*Буйских*, 2013. С. 369, рис. 121). Аналогичные аски происходят из многих погребений некрополя Нимфея (*Грач*, 1999. С. 202, табл. 28; С. 203, табл. 29).

Всего обнаружено более двух десятков различных лекифов — цилиндрических и арибаллических; некоторые из них покрыты лаком, другие имеют сюжетную роспись, но большинство имеет роспись в виде пальметок.

Лекиф с туловом, полностью покрытым черным лаком и орнаментом на плечиках, происходит из погребения 117 (рис. 8: 4). Похожий сосуд датируется началом V в. до н. э. и происходит из нимфейского погребения Г8 (*Грач*, 1999. С. 100, рис. 43).

Лекифы с тремя крупными пальметками, как, например, происходящий из погребения 127 (рис. 8: 6), датируются второй четвертью V в. до н. э., близкие им сосуды найдены в погребении Г-14 (ср.: *Грач*, 1999. С. 203, табл. 29).

Орнамент в виде трех крупных пальметок встречается также и на арибаллических чернолаковых лекифах. На некоторых сосудах этого вида имеются разнообразные сюжеты росписи. Например, в погребении 83 найден лекиф с изображением женской головы (рис. 8: 7). Аналогичные лекифы датируются примерно 400 г. до н. э. (*Грач*, 1999. С. 91, рис. 39).

Лекифов с сюжетной росписью найдено немного, на одном из них представлено изображение двух женских фигур и двух воинов. Этот сосуд происходит из погребения 103 (рис. 8: 9). Схожий по сюжету росписи лекиф, датирующийся около 500 г. до н. э., происходит из погребения Нимфея А72 (*Грач*, 1999. С. 53, рис. 15; *Moore, Philippides*, 1986. № 839—841).

Единственным экземпляром представлена миниатюрная чернофигурная ойнохоа. Она происходит из слоя в квадрате 3-15' (рис. 8: 5). Близкие ойнохои происходят из погребения В1 некрополя Нимфея (*Грач*, 1999. С. 91, рис. 35).

Интересными находками являются цилиндрические лекифы (рис. 8: 8). В их составе — белофонный сосуд 450—430 гг. до н. э. (ср: *Vickers, Kakhidze*, 2004. С. 364, рис. 107; *Шталь*, 2004. С. 188, № 30).

Некрополь дает интересные и многочисленные археологические материалы, изучение которых поможет исследованию целого ряда важных проблем, связанных с освоением греками Азиатского Боспора: типу хозяйственной деятельности, торговым и культурным связям поселенцев.

В круге этих проблем одной из самых значимых являются контакты между греками-колонистами и местным, варварским населением региона. Одним из индикаторов присутствия выходцев из варварской среды в составе жителей античных городов и поселений считается лепная керамика. Именно эта группа находок привлекает особое внимание исследователей при рассмотрении вопросов о наличии на поселении варварского населения, его происхождении и многочисленности.

В исследованных погребениях некрополя встречено незначительное количество лепной керамики.

Лепные сосуды (рис. 9) обнаружены в основном в парных погребениях и в индивидуальных, как женских, так в детских, и лишь в одном случае — в мужском. В двух случаях они встречены в кенотафах.

Набор лепных сосудов представлен всего несколькими экземплярами. При столь малочисленной и разнообразной выборке сложно построить типологию сосудов, характерных для данного памятника.

Миски встречены двух форм. Первая — с округлыми почти вертикальными стенками (рис. 9: 4), аналогии им можно найти в материалах различных памятников (*Анфимов*, 1951б. С. 161, рис. 1, 4, 5; *Виноградов*, 2006а. С. 74, рис. 2: 7; *Кастанаян*, 1981. С. 34, рис. 4; С. 139, табл. II: 5; *Марченко и др.*, 2000. Табл. 31: 3), и стенками, сильно отогнутыми наружу (*Круцикол, Новичкин*, 2010. С. 37, рис. 27: 1).

Лепные горшки имеют плавную изогнутые вертикальные стенки и отогнутый наружу венчик (рис. 9: 3). Аналогии им известны очень широко (*Алексеева*, 1991. С. 114, табл. 41: 15; С. 115, табл. 42: 8; С. 120, табл. 47: 8; *Марченко*, 1972. С. 125, рис. 2: 2; *Бочковой и др.*, 2005. С. 199, рис. 5: 1; С. 207, рис. 13: 1). Другой тип лепных горшков имеет баночную форму с округлыми стенками и загнутым внутрь венчиком (ср.: *Лимберис, Марченко*, 2012. С. 200, рис. 19: 6).

Редкие формы представлены единичными экземплярами — это лепные чашечка (рис. 9: 1) и кружка (рис. 9: 2). Аналогии первому сосуду довольно многочисленны (*Кастанаян*, 1981. С. 57; *Круцикол, Новичкин*, 2010. С. 54, рис. 48: 2; *Лесков и др.*, 2005. С. 100, рис. 19: 3; С. 103, рис. 25: 8; С. 107, рис. 32: 4; С. 119, рис. 57: 7; С. 120, рис. 59: 5; С. 149, рис. 130: 8; *Лимберис, Марченко*, 2001. С. 116, рис. 36: 6).

То же самое можно сказать и о втором (Смирнов, 1958. С. 286, рис. 8: 4; С. 291, рис. 10: 11, 13; Лимберис, Марченко, 2001. С. 98, рис. 18: 8; 2012. С. 197, рис. 16; Бочковой и др., 2005. С. 215, рис. 20: 10; Лесков и др., 2005. С. 105, рис. 29: 4; С. 116, рис. 50: 8; С. 122, рис. 63: 2).

Как следует из сказанного, аналогии лепным сосудам из некрополя Артющенко-2 можно найти на различных памятниках Азиатского Боспора и в материалах меотских некрополей Прикубанья V–III вв. до н. э. Наличие лепной керамики позволяет говорить о связях Боспора с варварским населением. Можно также высказать предположение о том, что носителями традиции изготовления лепной керамики могли быть женщины из местных племен — синдов или меотов.

Лепная керамика присутствует в погребениях V в. до н. э.; в комплексах более позднего времени она пока не встречена. Из общей массы исследованных погребений только в 10 найдены лепные сосуды. Такое соотношение показывает, что процент лепных сосудов по сравнению с гончарной керамикой весьма мал. В то же время разнообразная, искусно выполненная гончарная посуда в погребальном инвентаре свидетельствует о ее широком импорте во все исторические периоды действия некрополя и поселения. Одновременно этот факт может свидетельствовать о преимущественно греческом характере жителей поселения Артющенко-2.

В числе раскопанных погребений ярко выделяется *серия мужских захоронений с оружием*. Среди них имеются индивидуальные и коллективные погребения (где встречено 2 и более костяков), в которых мужчине положены предметы вооружения.

Стандартный (полный) комплект предметов вооружения, которые клали мужчине, включает в себя железные меч и копье (от которого сохранились наконечник и вток) (рис. 10). В некоторых случаях этот комплект мог быть неполным — отсутствовал какой-либо предмет, или наоборот, комплект был избыточным — клали несколько копий. Иногда в погребениях присутствуют и наконечники стрел. При этом остатки луков или горитов не найдены.

Опираясь на датировку воинских комплексов с клинковым оружием, можно выделить два основных периода его применения населением, оставившим некрополь: 1-й — первая половина V в. до н. э.; 2-й — конец V в. до н. э.

Первый период представлен 17 комплексами, он характеризуется широким использованием воинами акинаков (12 экз.), относительно небольшим числом оружия синдо-меотского типа (2 экз.) и боевых ножей (1 экз.).

Второй период представлен 2 комплексами конца V в. до н. э. и отличается применением исключительно оружия синдо-меотского типа (2 экз.), в одном случае сочетавшегося с двумя боевыми

Рис. 9. Некрополь Артющенко-2. Лепные сосуды:

1 — погребение 10; 2 — погребение 24; 3 — погребение 25; 4 — погребение 10

Рис. 10. Некрополь Артюшенко-2. Предметы вооружения:
 1, 2 — погребение 124; 3–5 — погребение 52; 6–8 — погребение 65;
 9–11 — погребение Г3

ножами. Столь небольшое количество погребений «меченосцев» второго периода объясняется малочисленностью выборки погребений, достоверно датированных концом V в. до н. э. (*Ворошилов, Кашаев*, 2010. С. 84). Как видим, в погребениях первой половины V в. до н. э. из некрополя Артюшенко-2 число акинаков в шесть раз превышает количество мечей синдо-меотского типа.

Мечи синдо-меотского типа первой половины V в. до н. э. заметно отличаются от оружия конца столетия. Ранним мечам присущи черты, сближающие их с акинаками, — довольно мощное брусковидное навершие; выделенное в плоскости клинка расширение между клинком и рукояткой — своего рода стилизованное перекрестье; общее с некоторыми типами акинаков оформление клинка сходящимися к острию долами.

Поздние имеют другую конструкцию и морфологию: навершие другой формы изготовлено по совершенно иной технологии; лезвия клинка плавно переходят в стержень рукоятки, не создавая и намек на стилизованное перекрестье; сама рукоять, судя по отпечаткам древесины, была охвачена деревянными накладками, что для ранних форм не характерно.

Очень примечательно, что, судя по материалам из некрополя Артюшенко-2, традиция применения клинкового оружия скифского типа (акинаков), широко распространенная в погребениях первой половины V в. до н. э., резко обрывается и в погребениях конца столетия уже не фиксируется.

К группе *крупных изделий из бронзы* относятся зеркала, черпаки (киафы) и ситечко, в сумме всего 11 находок (рис. 11).

Довольно редкой находкой является бронзовое ситечко из погребения Г8 (рис. 11: 1). Наиболее близкая аналогия ему — находка из некрополя Ольвии, происходящая из могилы начала V в. до н. э. (*Билимович*, 1979. С. 27, № 3; *Козуб*, 1974. С. 75, рис. 30).

Самым распространенным типом зеркал является бронзовое зеркало с деревянной ручкой, которая крепилась к диску при помощи двух тонких бронзовых накладных пластин и двух заклепок (тип 2, *Скржинская*, 1984. С. 112). В некоторых случаях между накладными пластинами сохранились небольшие фрагменты дерева. Обнаружено 5 экземпляров этого типа (рис. 11: 2–6).

В качестве аналогий нашим черпакам (киафам) (рис. 11: 7, 8) можно привести находки из некрополей Нимфея (*Билимович*, 1973. С. 21, № 43; *Силантьева*, 1959. С. 65, рис. 34: 1; *Силантьева*, 1959. С. 72, рис. 39: 4), Ольвии (*Козуб*, 1974. С. 73, рис. 28), Тирамбы (*Коровина*, 1987. С. 16, рис. 13) и Пичвнари (*Кахидзе*, 1975. Табл. IX: 3).

Все перечисленные бронзовые предметы найдены только в ранних погребениях, относящихся к V в. до н. э., а если судить датировку, то в пределах второй и третьей четвертей этого столетия. В погребениях более позднего времени они отсутствуют.

Аналогичные находки в других некрополях Северного Причерноморья, как правило, были найдены в достаточно богатых могилах или курганах. Это позволяет предположить, что среди населения, оставившего ранние погребения в некрополе Артюшенко-2, придерживались традиционного для Северного Причерноморья погребального обряда и старались в качестве инвентаря использовать вещи, принятые и в других греческих центрах.

Разнообразные украшения, обнаруженные при раскопах некрополя, достаточно многочисленны. К ним относятся колечки, перстни, спиральные подвески, серги, а также детали конской упряжки. Такие изделия присутствуют во многих могилах, украшения — в женских, поясные пряжки — в мужских. В основном украшения выполнены из бронзы и серебра.

Вообще, на некрополе мужские погребения по сравнению с женскими часто имеют более разнообразный и богатый набор инвентаря. В то же время золотые изделия, как правило, найдены в женских погребениях (рис. 12). Все обнаруженные золотые украшения близки между собой по форме и представлены тремя основными типами. Первый тип — это круглые, полые внутри бусины (рис. 12: 1, 4). Второй тип — это круглые бусины, аналогичные первому типу по форме; в нижней части находится зерновидная подвеска (рис. 12: 2, 5). Третий тип — овальная, полая внутри бусина, с простым орнаментом (рис. 12: 3).

Аналогичные находки обнаружены на разных памятниках — в некрополе Пичвнари (*Vickers, Kakhidze*, 2004. P. 416, fig. 246), некрополе Ольвии (*Скуднова*, 1988. С. 149, 152, 155), некрополе Тирамбы (*Коровина*, 1987. С. 17, рис. 14), Елизаветинских курганах (*Галанина*, 2003. С. 98), в могильнике Старокорусинского городища (*Лимберис, Марченко*, 2007. С. 116), некрополе Горгиппии (*Новичихин, Галут*, 2015. С. 92). Датироваются они V–IV вв. до н. э.

Представленные золотые изделия по сравнению с предметами из других богатых некрополей и курганов не отличаются разнообразием и имеют более скромную отделку. В то же время форма изделий и техника исполнения золотых бусин из некрополя Артюшенко-2 вполне обычна для ювелирных изделий V в. до н. э.

Рис. 11. Некрополь Артощенко-2. Изделия из бронзы:

1 — погребение Г8; 2 — погребение 82; 3 — погребение 47; 4 — погребение 3; 5 — погребение 6; 6 — погребение 52; 7 — погребение 27; 8 — погребение 40

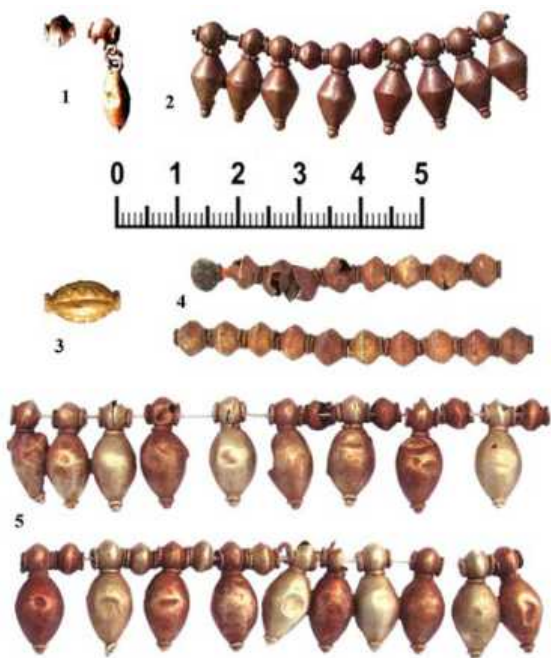

Рис. 12. Некрополь Артюшенко-2. Украшения:

1 — погребение 20; 2 — погребение 69; 3 — погребение 66; 4 — погребение 47

При раскопках найдено несколько украшений, которые можно назвать редкими (рис. 13). Прежде всего, это гемма (инталия) из разрушенного абразийского погребения 146. Выполнена она из совершенно прозрачного горного хрусталя, имеет форму скарабеоида — овальной формы с гладкой овальной спинкой (рис. 13: 1, 2). Сохранность камня очень хорошая. На плоской поверхности инталии очень искусно вырезано изображение женщины, сидящей на камне (скале) квадратной формы. Поверхность этого камня выполнена мастером не гладкой, а как будто «матовой».

Мастер вырезал фигуру женщины полуобнаженной, ее тело изображено влево вполоборота, лицо также влево — но в профиль, голова наклонена немного вниз. Левая рука опущена вдоль тела и опирается на камень. Такой прием позволял рельефно передать все контуры тела художественно привлекательными. Кисть правой руки женщины поднята на уровень плеч. В ней она держит край просторной ткани (плаща), прикрывающей ее голову, спину, и складками опускающейся на ноги и немного на камень. На голове ткань слегка приподнята или делает складку, возможно из-за прически или диадемы надетой на голову. Грудь и живот остаются не прикрытыми тканью, четко проработаны талия, пупок и соски. Около ступней находится еще один небольшой камень.

Все изображение исполнено очень реалистично и пропорционально, четко вписано в размер камня — контур изображения занимает почти всю его свободную поверхность. Вдоль геммы просверлено сквозное отверстие диаметром около 2 мм. В отверстии находился тонкий серебряный стержень без концевых петель, являющийся частью крепежа. Его диаметр около 1 мм, сохранившаяся длина 11 мм. Если внутренний стержень серебряный, то, скорее всего, вся металлическая основа тоже была выполнена из серебра.

Рис. 13. Некрополь Артюшенко-2.

Украшения:

1, 2 — погребение 146; 3 — погребение 144;

4, 5 — погребение 156

Поиск аналогий и сравнение изображения геммы (инталии) из Артюшенко-2 с другими резными камнями позволяет сделать некоторые выводы.

— Общее расположение композиции на поверхности геммы, четко вписанное изображение в имеющееся пространство характерно для мастерской Дексамена (*Неверов*, 1973. С. 55, 57; *Richter*, 1968. Pl. A).

— Поза женщины практически полностью повторяет позу Госпожи на гемме Дексамена (*Неверов*, 1973. С. 55, № 4), что может указывать на школу мастера.

— Складки ткани в виде бегущих волн — близки передаче плаща юноши с арфой на гемме Дексамена (*Неверов*, 1973. С. 57, № 4; С. 65). Это также может указывать на школу мастера.

— Вопрос об изображенном на нашей гемме (инталии) персонаже довольно сложный. При сравнении, прежде всего, следует обратить внимание на гемму с Данаей (*Неверов*, 1976. С. 90, № 37; *Максимова*, 1926. С. 41).

Можно сказать, что оба изображения по стилю довольно близки. Не трудно заметить общее сходство позы, передачу прически или диадемы, одетой на голову под тканью. Отмеченные детали позволяют предположить, что на инталии из Артюшенко может быть изображена Даная. В этом случае покрывающая ткань символизирует плащ Данаи (которым она будет собирать золотой дождь). Разница, вероятно, имеется во временном моменте изображенного мифического сюжета. На эрмитажной гемме Даная подняла плащ и смотрит вверх — возможно, это момент встречи или прощания с Зевсом. На гемме из Артюшенко-2 Даная укутана в плащ и смотрит вниз — это момент ожидания (до появления Зевса).

С уверенностью можно говорить, что гемма (инталия) из погребения 146 по стилю и манере изображения относится ко второй половине V — началу IV в. до н. э. На основании идентичности изображительных элементов можно сделать вывод, что гемма (инталия) из Артюшенко-2 имеет явное сходство с работами мастера Дексамена. Можно считать, что она, скорее всего, происходит из мастерской Дексамена и выполнена одним из его учеников.

В еще одном разрушенном абразией погребении 144 найдены две золотые бусины, четыре гагатовых бусины и бронзовая подвеска. Из этих находок сделана реконструкция, как украшение могло выглядеть в древности (рис. 13: 3). Золотые бусины аналогичной формы были обнаружены при раскопке некрополя Горгиппии (*Ноевичкин*, *Галут*, 2015. С. 44, 90), но датируются они II в. н. э.

Самое позднее обнаруженное погребение 156 относится к IV–V вв. н. э. На шею захороненного в нем человека было надето шейное украшение — золотая гривна. Гривна представляет собой обруч, согнутый из гладкой золотой проволоки. В центральной части диаметр проволоки 4 мм, к концам уменьшается до 2 мм. На концах гривны сделан замочек в виде колечка с одной стороны и крючка с другой. Цвет металла ярко желтый, без патины, блесит. Там же были обнаружены две серьги в виде калачиков. Серьги серебряные и покрыты слоем позолоты. Такие наборы довольно часто встречаются на Кавказе (*Мастыкова*, 2009. Табл. 10: 27; 52: 1).

Особой категорией находок являются стеклянные сосуды; их найдено четыре — три амфориска и один алабастр.

Все три стеклянных амфориска выполнены из стекла разного цвета и качества (рис. 14: 1–3). Первый изготовлен из стекла синего цвета с орнаментом из белой и желтой пасты. Второй — из коричневатого стекла с орнаментом из белой, синей и желтой пасты. Третий сохранился хуже всех, стекло молочно-белого цвета, орнамент из желтой и синей (?) пасты. Возможно, что цвета стекла и пасты изменились в процессе коррозии и патинирования стекла. Алабастр выполнен из темно-синего стекла с орнаментом из голубой и желтой пасты (рис. 14: 4).

Подобные «финикийские» сосуды датируются второй половиной VI — первой половиной V в. до н. э. (Кунина, 1997. С. 27; 57, рис. 13; 58, рис. 14, 15; Сорокина, 1957. Табл. III: 1; *Vickers, Kakhidze*, 2004. P. 368, fig. 133).

В заключение можно отметить, что раскопки некрополя Артющенко-2 позволяют ввести в научный оборот новые материалы, свидетельствующие о присутствии в традициях поселенцев Азиатского Боспора характерных устойчивых компонентов погребального обряда. Погребальный инвентарь характеризует некрополь Артющенко-2 как типичный для своего времени и ставит его в один ряд с другими известными архаическими некрополями Боспора и Северного Причерноморья в целом. Проведенный анализ различных групп находок позволяет говорить, что пик активности совершения захоронений приходится на вторую и третью четверти V в. до н. э. Погребения этого времени отличаются самым разнообразным и относительно богатым инвентарем, который отражает и тип хозяйственной деятельности, и торговые и культурные связи в регионе. В начале IV в. до н. э. погребальный обряд немного трансформируется: количество инвентаря в погребениях уменьшается, он становится менее разнообразным. Это может быть связано как с изменением погребальных традиций у старого населения, так и с притоком нового населения, привнесшим свои традиции.

Рис. 14. Некрополь Артющенко-2.

Стеклянные сосуды:

- 1 — погребение 6; 2 — погребение 66;
3 — погребение 102; 4 — погребение 157